КРИПТОГРАФИЯ В «МЕРТВЫХ ДУШАХ»: МАСОНСКИЙ ПОДТЕКСТ

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ КОРАБЛЕВ (ДОНЕЦК)

В статье рассматривается масонский подтекст поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души».

Ключевые слова: криптография, подтекст, масонство.

In the article the Masonic implied sense of the poem of N. V. Gogol «Dead Souls» is considered.

Keywords: cryptography, implied sense, a free-masonry.

Криптографический анализ «Мертвых душ», который активизировался в последнее десятилетие (отметим работы И. Виноградова[1], Ф. Двинятина[2], В. Белоусовой[3]), обнаружил неожиданные и весьма перспективные для дальнейшего изучения закономерности. Выяснилось, что прототипы поэмы, о которых неоднократно и многозначительно высказывался автор, концептуально связаны между собой и образуют довольно обширное и достаточно системное поле значений, открывающее новые возможности для прочтения этого произведения.

Основываясь на предположении, что прототипы помещиков в «Мертвых душах» – это известные русские писатели (Жуковский, Ростопчина,

---

[1] ВИНОГРАДОВ, И. А.: Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души»: проблемы интерпретации и текстологии. Москва 2003, с. 85-97.

[2] ДВИНЯТИН, Ф. Н.: Об одном возможном случае прототипического подтекста: персонажи Гоголя и литераторы. Текст и комментарий. Москва 2006, с. 167-183.

[3] BIEŁOUSOWA, W.: Związki niekonwencjonalne literatury i filozofii (Mikołaj Gogol, Wasilij Rozanow). Olsztyn 1999.

Давыдов, Крылов и Пушкин)[4], а прототипы чиновников – известные общественные и государственные деятели (Новиков, Уваров, Бенкендорф и др.), рассмотрим один из факторов объединения этих значений – масонский подтекст.

О чиновниках города NN известно, что между ними довольно близкие, почти *семейные* отношения, что это единый узкий круг. Можно ли то же сказать об их прототипах? Ведь если прототипы никак и ничем не связаны между собой, тогда это лишний повод усомниться в их существовании. Но что общего между опальным журналистом Новиковым, шефом жандармов Бенкендорфом и министром Уваровым? Вопрос звучит почти риторически, но мы на него ответим, и ответим конкретно и очень серьезно: этих людей объединяет тоже один круг – *тайное общество*.

Впрочем, не такое уж оно и тайное, если о нем известно самим персонажам поэмы. Вот что говорит Собакевич о председателе палаты:

« – Ну, может быть, это вам так показалось: он только что *масон*, а такой дурак, какого свет не производил[5].»

Принадлежность губернских чиновников масонскому обществу выдают и многозначительно упомянутые Юнг и Эккартсгаузен, чьи сочинения входили в круг чтения «вольных каменщиков».

Возникает вопрос: а кто из влиятельных адептов мог посвятить Гоголя, хотя бы отчасти, в тайны франкмасонского братства?

Да хоть бы и Жуковский. Подтвердить это, конечно, нелегко, но зато и опровергнуть невозможно: мало ли о чем могли говорить наедине два гения. Логическая нестыковка может оказаться в другом: не разрушит ли это предположение наше прежнее: ведь если масон Жуковский – это Манилов, тогда выходит, что и Манилов – масон?

Нет, не разрушит, а наоборот, основательно укрепит, если мы распознаем масонские символы, окружающие этого персонажа. Например, ну что это за барская причуда: посреди российских равнин – «*Храм* уединенного размышления», да еще *с колоннами!* Обычно эта постройка воспринимается как наглядная и запоминающаяся характеристика маниловской мечтательности. Но эта характеристика станет еще более выразительной, если знать, что храм с колоннами – главный масонский символ, означаю-

---

[4] КОРАБЛЕВ, А.: Криптография Мертвых Душ. Радуга, 8/2009, с. 103-131.

[5] ГОГОЛЬ, Н. В.: Мертвые души. В: ГОГОЛЬ, Н. В.: Полное собрание сочинений, т. 6. Москва 1951, с. 96. Далее ссылки на это издание даны в скобках.

щий возведение в душе духовного храма, а две колонны – символизируют двуединство разрушения и созидания. А чтобы читатель догадался, что этот «храм» именно масонский, неподалеку от него растут кусты желтых *акаций* – еще один масонский символ, и тоже имеющий прямое отношение к главной теме гоголевской поэмы: символ *бессмертия души, вестник преображения*[6].

Пожалуй, мы не будем настаивать, что розовая ленточка, которой Манилов перевязал список «мертвых душ», тоже масонская, но посмотрим внимательно, как передан этот список:

«…Манилов вынул из-под шубы бумагу, свернутую в трубочку и связанную розовою ленточкой, и подал очень ловко двумя пальцами» (VI, 140).

Нужны пояснения? Они в гоголевских «Записках сумасшедшего»:

«О, это большой честолюбец! Это масон, непременно масон, хотя он и прикидывается таким и эдаким, но я тотчас заметил, что он масон: он если даст кому руку, то высовывает только два пальца» (III, 206).

По этой примете можно установить, что масон и Собакевич, о котором, может быть, только для того сказано, что он *человек-кулак*, чтобы тут же сказать, что он тоже может разогнуть *два пальца:*

«Нет, кто уж кулак, тому не разогнуться в ладонь! А разогни кулаку один или *два пальца*, выдет еще хуже» (VI, 106).

Как и Манилов, Собакевич – свой человек в губернском обществе, а с председателем палаты, который, по его же словам, *масон*, у него и вовсе какие-то особенные отношения:

«…председатель был не один, подле него сидел Собакевич, совершенно заслоненный зерцалом» (VI, 144).

Если Собакевич – это баснописец Крылов, а председатель палаты – это министр Уваров, то соответствуют ли отношения этих персонажей отношениям их прототипов? Соответствуют. Крылов и Уваров познакомились еще в середине 1800-х годов в салоне А. Н. Оленина, там же потом встречались. Могли иметь дела и по службе: Иван Андреевич служил в Императорской Публичной библиотеке, находящейся в подчинении Министерству народного просвещения, которое возглавлял Сергей Семенович. Был случай, когда Уваров хлопотал за Крылова перед государем. Но впоследствии молва их противопоставила, назвав Крылова – подлинным министром народного про-

[6] МОРАМАРКО, М.: Масонство в прошлом и настоящем. Москва 1990, с. 132.

свещения, а Уварова – «баснописцем», т.е. сочинителем басен вместо отчетов.

Был ли Крылов, как и Уваров, членом масонского общества – сказать затруднительно. Во всяком случае, обедать в обществе масонов ему приходилось, и не раз.

Имеются сомнения и в масонстве Пушкина, но значительно меньшие, поскольку он сам писал в дневнике: «4 мая <1821 года> был принят в масоны», а также в письме Жуковскому: «Я был масоном в кишиневской ложе…» (I.1826). Если это не стоящие внимания заблуждения юности, но для чего тогда масонская символика в полученных им подметных письмах, а главное – белая перчатка, ритуально положенная в гроб поэта князем Вяземским?

Попытаемся прочитать, что знал и что думал об этом Гоголь. Казалось бы, изобразить Плюшкина в белых перчатках нет никакой художественной возможности. Но Гоголю это удается. Представим этого персонажа за его любимым занятием: копающимся в куче хлама. А теперь – комментарий повествователя:

«Что именно находилось в куче, решить было трудно, ибо пыли на ней было в таком изобилии, что руки всякого касавшегося становились похожими на перчатки…» (VI, 115).

Казалось бы, откуда взяться масонской символике при описании запущенной плюшкинской деревни. Но посмотрим, какой вроде бы совершенно неуместной, но знаменательной деталью завершается это описание:

«Из окон только два были открыты, прочие были заставлены ставнями или даже забиты досками. Эти два окна, с своей стороны, были тоже подслеповаты; на одном из них темнел наклеенный треугольник из синей сахарной бумаги» (VI, 112).

Треугольник, или Всевидящее Око, Лучезарная Дельта, – знак просвещенности, осознания. Здесь же вместо *ока – окно,* к тому же *подслеповатое*. Так же двойственно значение и *ключей,* висящих за поясом у Плюшкина: эзотерический символ познания в его руках превращается в знак замкнутости, закрытости, скупости. Но самое замечательное в усадьбе Плюшкина – *сад,* вызывающий размышления о самой сути масонского делания. Впрочем, не только масонского – вообще всякого духовного делания. В отличие от маниловского сада, по-английски ухоженного, но оттого искусственного и скудного, плюшкинский сад – это достигнутое единство человеческого

и природного, искусства и жизни, о чем повествователь, завершая описание, говорит в терминах не садовника, а *каменщика:*

«Словом, все было хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству, но как бывает только тогда, когда они соединятся вместе, когда по нагроможденному, часто без толку, труду человека пройдет окончательным резцом своим природа, облегчит тяжелые массы, уничтожит грубоощутительную правильность и нищенские прорехи, сквозь которые проглядывает нескрытый, нагой план, и даст чудную теплоту всему, что создалось в хладе размеренной чистоты и опрятности» (VI, 113).

Похоже, в связке ключей, висящих за поясом у Плюшкина, и *«Ключ к таинствам натуры»!* Потому что у Эккартсгаузена, в общем-то, схожие рассуждения: природа – это кисть, которой священнодействует Творец, и оттого она божественна, едина, откровенна и побуждает человека к такому же творческому единству с божественной волей[7].

Кстати, *резец* – тоже масонский символ, означающий мысль, замысел, решение. Поэтому и художник, дерзающий творить как природа, тоже действует «крепкою силою неумолимого резца» (VI, 134). Хотя сама природа может позволить себе отложить в сторону резец, напильники, буравчики и прочие мелкие инструменты, а просто рубить сплеча, как она создавала, например, Собакевича:

«…хватила топором раз – вышел нос, хватила в другой – вышли губы, большим сверлом ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свет, сказавши: «Живет!» (VI, 95).

Конечно, это все частности, которые можно толковать по-разному, на что автор, видимо, и рассчитывал. Но если, продолжая всматриваться в текст, попытаться в то же время взглянуть на него широко, в перспективе его разворачивающейся сюжетности, тогда в нем увидится не только разбросанный повсюду масонский антураж, но и самое действо «вольных каменщиков».

Сам сюжет поэмы представляет не что иное, как процесс переделки несовершенной человеческой природы в совершенную. Гоголь уверяет, что этот сюжет подсказал ему масон Пушкин и одобрил масон Жуковский, не называя, разумеется, их масонами.

Въезд героя в неизвестный читателю и, судя по его названию, символический город NN напоминает вхождение в масонский храм искателя истины и света, которому надлежит пройти между *двумя колоннами.* Посвя-

[7] ЭККАРТСГАУЗЕН, К.: Ключ к таинствам натуры. Санкт-Петербург 1804.

щаемый должен осознать себя человеком без свойств и отличий – вроде Чичикова, который, как мы помним, –

«…не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод» (VI, 7).

Одна колонна – Северная – символизирует разрушение, бессвязность, Хаос; другая – Южная – созидание, порядок, Космос. Такими двумя колоннами при въезде в город стоят два мужика, которые, если принять во внимание эти значения, не просто оценивают возможности транспортного средства, на котором перемещается герой, но и, получается, предсказывают финал самой поэмы, недостаточно ясный, должно быть, и самому автору. Оба эксперта согласны в том, что до Москвы бричка доедет, а до Казани – нет. Если предположить, что Москва – это, скорее всего, северное направление, тогда эту часть пути, деструктивную, герой вместе с автором одолеют. А вот другая, конструктивная часть, для них, выходит, изначально не по силам…

Далее входящий в масонский храм ступает на мозаичный пол, состоящий из черно-белых клеток. Если бы не эта тоже важная особенность, то, наверное, вряд ли Ноздрев играл бы с Чичиковым в шашки.

Те главы, в которых главный герой встречается с другими героями, – это последовательные *ступени*, по которым посвящаемый входит сначала в постепенно сгущающуюся тьму, а затем так же постепенно он должен выйти к свету. Отметим, что, согласно масонскому ритуалу, переход от степени Ученика к степени Подмастерья совершается, как и в поэме Гоголя, *«посредством пяти символических путешествий»*[8]. На последней ступени, в гостях у Плюшкина, где духовная тьма максимальна, этот ожидаемый переход из тьмы к свету даже показан – именно так, как мыслилось Гоголем содержание трех частей его поэмы:

«Он вступил в <u>темные широкие сени</u>, от которых подуло <u>холодом</u>, как из погреба. Из сеней он попал в комнату, <u>тоже темную</u>, чуть-чуть <u>озаренную светом</u>, выходившим из-под широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, он наконец очутился <u>в свету</u>…» (VI, 62).

Полная масонская иерархия содержит 33 уровня (градуса) посвящений – ровно столько, сколько «выбранных мест» в гоголевской «Переписке с друзьями», и это число, видимо, не случайно, как можно понять из письма

[8] МОРАМАРКО, М.: Масонство в прошлом и настоящем. Москва 1990, с. 131.

Гоголя графине А. М. Виельгорской: «В этой книге *все было мною рассчитано* и письма размещены *в строгой последовательности*…» Возможно, столько же глав должно были составить три тома «Мертвых душ», если бы в каждом из них было по 11 глав, как в первом.

Дело, которому служат «вольные каменщики», по сути, то же, что и дело Гоголя: *«душа и прочное дело жизни»*. Мертвые души, которые он своим словом надеется воскресить, – это, в масонской символике, тот *грубый камень*, который с помощью *резца* и *молотка* – мысли и действия – надлежит превратить в совершенный.

Как и в масонской практике, в поэме эта работа представляется как *самопреображение:* герой, проехавший по России, должен сам, под воздействием получаемых впечатлений, сперва опуститься на самое дно человеческой ничтожности, а затем так же постепенно подниматься к вершине человеческого духа: от Плюшкина – к Пушкину.

Путь духовного восхождения, воспроизводящий физическую и метафизическую структуру мироустройства, в масонской традиции, и не только масонской, именуется *лестницей*, которая связывается, прежде всего, с библейской «лестницей Иакова» (Быт. 28: 12-16). Это понятие, видимо, настолько глубоко было укоренено в сознании Гоголя, что даже в предсмертном бреду он выкрикнул: «Лестницу, поскорее, давай лестницу!..»

Отмеченные соответствия еще не означают, что в поэме утверждается именно масонская духовная практика, а не какая-нибудь иная; ограничимся пока констатацией, что она – наличествует. Если приведенных примеров кажется недостаточно, то вот еще один, в котором узнается не только каноническая символика масонского делания, но и аллегория масонского собрания, где одетые в черное адепты совершают различные ритуальные движения:

«Все было залито светом. Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами там и там, как носятся мухи на белом сияющем рафинаде в пору жаркого июльского лета, когда старая ключница рубит и делит его на сверкающие обломки перед открытым окном; дети все глядят, собравшись вокруг, следя любопытно за движениями жестких рук ее, подымающих молот, а воздушные эскадроны мух, поднятые легким воздухом, влетают смело, как полные хозяева, и, пользуясь подслеповатостию старухи и солнцем, беспокоящим глаза ее, обсыпают лакомые куски где вразбитную, где густыми кучами. Насыщенные богатым летом, и без того на всяком шагу расставляющим лакомые блюда, они влетели вовсе не с тем, чтобы есть, но чтобы только показать себя, пройтись взад и вперед по сахарной куче, потереть одна о другую задние или передние ножки, или почесать ими у себя под крылышками, или, протянувши обе передние лапки, потереть ими у себя над

головою, повернуться и опять улететь, и опять прилететь с новыми докучными эскадронами» (VI, 14).

Отметим, это первая глава, самое начало поэмы. Обычно исследователи видят в этом фрагменте только сам прием – развернутое сравнение, метафорическое сгущение, художественно-смысловую фокусировку и т.п., и с этим нельзя не согласиться, но, по-видимому, здесь следует предположить *двойную метафоричность:* это не только метафора бала, но и сам бал является метафорой.

Был ли сам Гоголь масоном? Постановка этого вопроса может показаться кощунственной. Гоголь, вдохновенный учитель православия, – масон?! Поэтому не будем спешить с ответом. Пожалуй, самым разумным было бы отвечать на этот вопрос так, как отвечает на него история – которая об этом *умалчивает*. Но есть факты, которые, в отличие от истории, *говорят*.

Факты говорят, что в годы написания «Мертвых душ» писатель довольно близко общался с действительными членами масонских лож или с теми, кого можно в этом подозревать: с Пушкиным, Жуковским, Одоевским… Далее, факты говорят, что по общему замыслу, духовной направленности, символике и другим особенностям «Мертвые души» аналогичны упомянутым в поэме сочинениям Э. Юнга и К. Эккартсгаузена. Можно возразить, что Гоголь в своем художественном замысле ориентировался на более значительные имена, на Данте и Гете, а не на второстепенных, хотя и популярных, мистических писателей, но ведь и Данте, и Гете, как известно, тоже были масоны.

Если бы не «Выбранные места…», можно было бы с куда большей смелостью утверждать, что «Мертвые души» – это традиционное масонское наставление о перерождении мертвых душ в живые[9]. Потому это и *поэма*, а не роман, – аллегорические поэмы о странствиях души в поисках истины были излюбленным жанром в масонской литературе XVIII века, как переводной («Странствие пилигрима» Дж. Беньяна, «Путешествие добродетели», «Таинственное путешествие в остров добродетели», «Чудные приключения шести принцесс Вавилонских…» и др.), так и отечественной («Пилигримы, или искатели счастья», «Бахариана» М. Хераскова, «Таврида», «Древняя ночь вселенной» С. Боброва, «Душенька» И. Богдановича и др.)[10]

[9] ВАЙСКОПФ, М.: Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. Москва 2002, с. 625, 634 и др.

[10] ПИКСАНОВ, Н. К.: Масонская литература. В: История русской литературы. Москва 1947, том 4, ч. 2, с. 77. См.: ВАЙСКОПФ, М.: Сюжет Гоголя… с. 490.

Не случайно же на обложке, нарисованной Гоголем для своей книги, крупнее всего – слово «ПОЭМА». Да и *черепа*, искусно вписанные в узор, тоже можно толковать как масонские знаки[11].

Масонские аллюзии имеются и в других произведениях Гоголя, в частности, в «Ревизоре»[12], что доказывает их неслучайность. Более того, имеются доказательства небезосновательности этой неслучайности: например, переписка Гоголя с Шереметевой, присылавшей писателю материалы для изучения масонства[13].

Интерес Гоголя к масонству доказывает серьезность его художественных намерений, но сам по себе еще не доказывает его принадлежность к братству «вольных каменщиков». Может, Николай Васильевич и не стремился надеть масонский фартук, но неприглашение его в состав избранных могло служить сильным раздражителем, причиной и хандры, и сатирической желчи. Не из одного ли психологического корня произрастают и гоголевские помещики, и гоголевские чиновники? Не допущенный ни в высшее, ни в тайное общество, Гоголь побуждался этими внешними обстоятельствами к действенной *внутренней работе*, соединяющей художественное творчество и духовное самосовершенствование, а его тайный язык оставлял ему необходимую степень свободы. Он подвигался к созданию собственного общества, школы, направления, но не социально-обличительного, как его стали интерпретировать, а духовно-нравственного, как способ творческого осуществления своего предназначения.

В «Выбранных местах…» он скажет более открыто о том же, что уже сказано и показано в «Мертвых душах». Он попытается объяснить, что это не просто литературное произведение, это – духовное делание, производимое над читателями, и тайный язык, поясняющий это делание, обращен не к широкой читающей публике, а к избранным, понимающим читателям, образующим незримое, тайное общество посвященных в тайны бытия.

---

[11] ВАЙСКОПФ, М.: Сюжет Гоголя… с. 520.

[12] ПАВЛИНОВ, С. А.: Тайнопись Гоголя: «Ревизор». Москва 1996.

[13] Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Москва 2001.